

Андрей Швец

ЗОЛОТОЙ ГОРОД

*трилогия
«Братство
Белой Мыши»*

Андрей Швец

**Золотой город. Трилогия
«Братство Белой Мыши»**

«Издательские решения»

Швец А.

Золотой город. Трилогия «Братство Белой Мыши» / А. Швец —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857470-2

Все переплетено и взаимосвязано и в нашем мире, и в данной повести: загадки квантовой механики и законы Гёделя, технические гаджеты будущего и основы религиозных воззрений. И, конечно же, Марку и Белле суждено спасти мир. Но при этом главные герои вынуждены принимать решения, не понимая целей ни своего личного существования, ни существования мира в целом. Для читателей организуются конкурсы на сайте bratstvo-bm.org

ISBN 978-5-44-857470-2

© Швец А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Золотой город Трилогия «Братство Белой Мыши»

Андрей Швец

*Первая книга трилогии
«Братство Белой Мыши»*

© Андрей Швец, 2017

ISBN 978-5-4485-7470-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Капля воды, готовая сорваться с крана, неестественно замерла. Но время, безусловно, продолжало течь. Марк наблюдал, как его мама неторопливо поправляла на себе одежду, и как над ее головой постепенно образовывалось розовое облако.

– Ты должен выйти, – продолжала она какую-то мысль, – я не должна это говорить, потому что я – мать, но именно поэтому и говорю... Я даже не верю сама, что это говорю... Я теперь ни в чем не уверена. Но уверена, что ты должен выйти.

Розовая субстанция поднялась из ее тела и собралась в покачивающийся пузырь. Тени в прихожей стали мягче и теплее, сбалансировав композицию.

– Я, может быть, и заперла бы тебя здесь, огородив от всего в этом и других мирах... Я, может быть, этого больше всего бы хотела, но сейчас я как не в себе.

Розовый пузырь, оторвавшись от ее макушки, стал плавно подниматься и приближаться к потолку.

– Ты должен выйти...

Она бросила еще один взгляд на зеркало и посмотрела внимательно на свои туфли, как будто пыталась их запомнить. Розовый пузырь, нисколько не задерживаясь, прошел сквозь потолок. Тени стали резче. Дверь открылась, впуская звуки городской улицы, и снова закрылась за женщиной.

Композиция изменилась, и взгляд Марка автоматически выбрал более удачный ракурс прихожей. Неестественно замершая капля воды обостряла ощущение нереальности происходящего.

Марку хотелось спать. Он колебался и смотрел то на ванную, то на кровать. Ложе, выпрямляя образовавшиеся за ночь неровности, стало медленно раскачиваться из стороны в сторону. В движении было столько томности и почти эротичности, что Марк не выдержал и снова лег. О странном розовом пузыре решил подумать потом.

Но только юноша закрыл глаза – раздался сигнал вызова. Парень вытянул руку из-под одеяла, пытаясь жестом включить громкую связь, но ничего не происходило. Марк опять поднялся с кровати, подошел к лежащему на столе гаджету и закрепил его на своем виске

– Слушаю.

– Выходи сейчас же, – произнес уверенный женский голос.

– Зачем выходить? И кто это говорит?

– Встретишь меня на улице. А разве можно кого-нибудь встретить на улице, не выходя из дома? Ты ведь хочешь, чтобы к твоей матери вернулось ее осознание.

Разговор прекратился. Встревоженный Марк прошел в ванну. Сначала он не придавал большого значения увиденному розовому пузырю, привыкнув к тому, что его воображение часто дополняет и приукрашивает действительность. Но слова о покинутом осознании его беспокоили. Капля воды, наконец, сорвалась вниз.

Марк, словно опьяненный, оделся и вышел из квартиры, однако отрезвление не наступало. На другой стороне улицы от прохожего, который прогуливался с собакой, отделился такой же розовый пузырь. Собака на него гавкнула и продолжила обнюхивать куст, стараясь успеть считать всю информацию до того, как натянется поводок.

Марк шел привычной дорогой к центру. По пути его взгляд выхватывал наиболее интересные кадры, автоматически меняя оттенки цветов и контрасты контуров. Самые удачные ракурсы он, моргая, фотографировал. Почти перед всеми людьми на уровне лица висел полупрозрачный голографический экран, позволяющий видеть окружающее и следить за новостями одновременно. Среда – день выборов, и на улице было полно политиков, с которыми прохожие старались не встречаться взглядами, чтобы кто-нибудь из них не увязался следом.

На площади выступал один из невыбранных в мэры политиков. Марк не помнил, как его зовут, но помнил, что его не выбрали. Присутствовало лишь небольшое число зевак, привлеченных аттракционом – куском купола Золотого Города, главного в Содружестве Городов. Купол показывал каждому смотрящему ту часть планеты, которую он хотел бы разглядеть.

– Хотите чувствовать себя особыми и значимыми – выберите нас, – обращался политик к десятку зевак. – А мы обещаем вам быть невзрачным и безликими винтиками системы, во всяком случае, не лучше вас.

Юноша находился в состоянии, близком к гипнотическому трансу. Розовые пузыри по-прежнему покидали тело то одного, то другого человека. Марку исполнилось 18, и он давно не удивлялся тому, что его воображение изменяло мир, поправляя его. Но в пузырях чувствовались самостоятельность и самодостаточность. Даже если кроме него их никто не видел, они не были лишь плодом его воображения. Тело его матери, как и тела других людей, покинуло нечто очень важное. Непостижимость происходящего, как это ни странно, завораживала и даже успокаивала. Юноша ощущал себя наблюдателем из другого мира.

Неожиданно возникшая перед ним женщина протянула листовку. Марк всегда их брал и выбрасывал, как только скрывался за углом, объясняя такое свое поведение нежеланием обижать распространителей. Но скорее он избегал необходимости отстаивать свое решение и свою позицию. Ему было проще взять, улыбаясь, а затем незаметно выкинуть.

Марк скользнул взглядом по листку и вздрогнул. Крупным шрифтом было написано: «Ты должен выйти...». Юноша поднял глаза. Красивая дама с гордым, почти высокомерным выражением лица была одета в подобие длинного греческого хитона с вышитыми на нем ни то козами, ни то баранами. В руках у нее ничего не было. Наверное, подумал Марк, листовка была последней.

– Я тебя нашла, Марк, – произнесла женщина, удивив юношу тем, что знала его имя. – Я – Гера.

Она сделала паузу, видимо, ожидая какой-то реакции на свои слова, но Марк стоял растерянный не проявляя никаких эмоций. Он не знал эту женщину, и ее имя ничего ему не говорило. Имя Гера у него ассоциировалось только с древними мифами, и то юноша не помнил, с какими именно.

– Пузыри, которые тебя удивляют и пугают, – осознания, покидающие бранные тела. Обычно это происходит, когда живое создание погибает, но тогда тела покидают и фантомы-переносчики тоже. Сейчас же осознания покидают ваш мир, а фантомы остаются, и живые создания превращаются в биологических роботов. Это все равно, как если бы Гомер превратился в компьютер, пишущий стихи. Ты же читал стихи, написанные компьютером?

Улыбаясь, Гера взяла юношу за локоть и увлекла за собой, вокруг площади. От ее высокомерности не осталось и следа, а в манере говорить появилось что-то располагающее к себе, почти гипнотизирующее. Марк был рад, что кто-то может объяснить происходящее, но пока ничего не понял из этого объяснения и ждал продолжения.

– Ваши ученые мужи полагают, что знают, как работает мозг. Но он почти так работает, и это «почти» – осознание. И когда оно покидает тело, то тело либо погибает, либо превращается в этакий бездушный компьютер, который «почти» думает и «почти» осознает. Но на самом деле, увы, не умеет ни того ни другого.

– Разве человек может превратиться в компьютер? – спросил Марк, думая о своей матери.

– Ну, разумеется. Шизофреник частично – ангел, а частично – биологический компьютер, потому что часть его осознания уже воспарила, оставив тело, которое продолжает действовать как программа. Ты же читал стихи шизофреников?

– Шизофрения, – повторил Марк, – и моя мама?

– И твоя мама тоже, – подтвердила Гера.

– Но они же не похожи на... – начал было возражать юноша.

– Поверь мне, дорогой мой, не всегда узнать шизофреника легко. Он прекрасно себя чувствует в упорядоченном мире. Но боится любой неопределенности, любой энтропии, любой нестабильности. Хотя, даже и не боится, скорее просто не приспособлен к ней, энтропия – лакомство, амброзия для осознаний, но яд для компьютеров и механизмов, в том числе и биологических.

– А почему... – начал было формулировать новый вопрос Марк и запнулся.

– Ой, тут запутанная семейная история, – покровительственно улыбнулась Гера, продолжая вести юношу вокруг площади, но уже отпустив его локоть. – Мой братец Боб – текущий бог-покровитель вашего мира, известный экспериментатор и авантюрист, решил от вашего мира избавиться. Захотел стать свободным богом-магистром, видите ли. Но являясь богом-покровителем, он не может не помогать своему миру, то есть этому. Он связан, как и все мы, Небесной Офертой. И тогда он превратил себя в белую пушистую мышку. Перевоплотившись полностью в земное существо, он уже не может выполнять свои покровительские функции. Это то же самое, как если бы весь мир покинуло осознание. Он почти такой же, но только почти. И он начинает саморазрушаться, что мы сейчас с тобой и наблюдаем.

Произнося последние слова, Гера отмахнулась от очередного розового пузыря, который пролетел совсем рядом. Марк отметил, что если, как он уже изучил, другие пузыри не реагировали ни на предметы, ни на ветер, то этот от взмаха Геры отлетел в сторону, как воздушный шарик.

Парню начало казаться, что его заманивают в какую-то секту, и он стал озираться вокруг, в поисках пути отступления. Политик уже прекратил выступление и разговаривал с двумя мужчинами, на майках которых было написано «Гога» и «Магога». Один из них неожиданно посмотрел в глаза Марку, и юноша сразу отвел взгляд. Гера тоже глянула в сторону мужчин и даже кивнула им.

– Хорошо, я пойду, – сказал Марк, пытаясь сбежать.

– Ну, не для того я тебя искала, чтобы так просто отпустить, – опять улыбнулась Гера, и юноша почувствовал себя приклеенным к тротуару.

– Вы меня искали? – изумленно спросил Марк.

– Да, меня попросили это сделать в обмен на ответную услугу. Я нахожу сон третьего, а может, и больше, уровня, а они помогают мне разрушить тюрьму для осознаний на вашей планете.

– Они?..

– Да, я поклялась своим собственным именем, что освобожу осознание матушки Сью, но мне нужна помощь, – Марку показалось, что упоминание о необходимости чьей-то помощи было не очень приятно для его собеседницы.

Женщина опять посмотрела в сторону, где стояли Гога и Магога, а Марк почувствовал, что снова обрел возможность ходить. Буркнув что-то вроде извинения, он воспользовался тем, что внимание Геры отвлечено, и поспешил прочь. Но женщина внезапно снова оказалась перед ним, преградив путь.

– Ты должен выйти. Выйти не только из квартиры и своего уютного мира, ты должен выйти за пределы своего представления о мире. Это не просто, но я тебе помогу, желаешь ты этого или нет, – выражение лица женщины снова стало холодным и высокомерным. —Я, пожалуй, буду убивать людей вокруг тебя, если ты меня не слушаешь.

И Гера исчезла так же неожиданно, как появилась, а Марк почувствовал досаду из-за того, что кто-то заставляет его принимать решение, да еще такими нелепыми и театральными, как ему тогда показалось, угрозами.

Юноша пошел обратно, по направлению к своему дому, выбросив в урну листовку. Он всегда выбрасывал мусор в урны. Все происходящее напоминало ему дурной сон – нужно было

быстрее вернуться домой, встретить там маму, нормальную, или... проснуться. Но то, что произошло, заставило Марка поменять планы.

Сначала прямо перед юношей у прохожего открылся чемодан, и его содержимое вывалилось на тротуар. Мужчина смущенно и суетливо принялся собирать вещи, а Марк в нерешительности остановился перед ним, не зная, помочь или нет. Проходившие мимо люди разглядывали выпавшие вещи, а затем один за одним поднимали головы, наблюдая, как с высокого здания, замедленно, словно сухой лист, падал человек. Мужчина уложил одежду и собирал рассыпавшиеся флаконы. Падающий перевернулся в воздухе и облетел фонарный столб. Мужчина пытался закрыть чемодан, надавливая на его крышку коленом, и, когда замки шелкнули, человек упал на тротуар.

Бледный розовый пузырь, в какой-то желтой и еще более прозрачной оболочке, отделился от лежащего и поднялся над обступившими его людьми, которые часто моргали, фотографируя происходящее. Красивая дама с длинными каштановыми волосами сказала, что она врач, пробралась к упавшему и через пару секунд произнесла что-то, что заставило стоящих заохать. Марк тоже машинально изобразил горе.

– Ничто так не оберегает смерть, как жизнь, не так ли? – сказал, обращаясь к Марку, человек с чемоданом. – Все живое заботится о своей смерти больше, чем о жизни. И не стоит стесняться, если тебе не жаль умерших. Может, ты просто живее всех остальных, если не разделяешь жизнь и смерть.

После этих загадочных слов человек с чемоданом исчез на другой стороне улицы. Марк всегда стеснялся быть в числе зевак и торопливо, не оглядываясь, пошел дальше. Он еще не был готов к тому, чтобы всерьез относиться к словам Геры, но и полностью игнорировать их не мог. Поэтому, пройдя немного по улице, свернул в подворотню. Что было своего рода компромиссом между требованием Геры и собственным желанием поскорее вернуться домой.

Воображение Марка сразу принялось преобразовывать увиденный двор. Дома вытянулись, а красное пятно сместилось влево, уравнивая композицию. Однако пятно вздрогнуло и начало самостоятельно приближаться, оказавшись бездомным в ярких лохмотьях.

Как и многие люди, очутившиеся на самой нижней ступени социальной лестницы, этот бездомный тоже жил в собственной, придуманной им среде, в которой играл не последнюю роль. Его манера говорить должна была показать собеседнику, что ему многое известно и доступно благодаря многочисленным связям, бывшим заслугам и еще чему-то такому, про что он не собирается рассказывать каждому встречному.

– А я смотрю, кто это меня тут двигает? А это сон третьего, а может, и большего уровня... Все, как она и говорила. Полдня тебя тут дожидаюсь.

– Меня? – машинально переспросил Марк.

– А кого же? Мы должны тебе дать шанс самому сделать шаг навстречу судьбе. Она так и сказала: этот шаг должен сделать он сам, по собственной воле.

– Она?

– Да, она у нас иногда появляется и обязательно ко мне заходит, за помощью всякой. Много бы я мог рассказать, – захихикал бездомный, тоже беря за локоть Марка, – но всего нельзя рассказывать.

Юноше было неприятно, что этот человек держит его и ведет к двум серым дверям в стене, но ему не хватало решимости выдернуть руку и отстраниться.

– Ты должен сам сделать выбор, – мужчина показал на двери, – в какую из них войти.

– А что за ними?

– Страдания и сомнения.

– За обоими?

– Да.

– Как же я выберу?

– Если бы за одной были страдания, а за другой – счастье, разве это был бы выбор? Выбирает ли греющаяся кошка, перебираясь опять на солнце, когда ее настигнет тень? А если бы за обоими дверями таилось благоденствие, то это и не выбор, а баловство.

– Но эти двери одинаковы.

– Вот и нет. Произнеси «счастье», и каждый себе представит определенный единственный образ, свой личный рай, а скажи «страдания» – и у каждого возникнет сомн видений. Все страдания – разные. Поэтому и двери эти разные.

– Но я не хочу выбирать из страданий!

– Ты просто не привык быть свободным. А ведь свобода и есть трудный выбор. Если выбор легок, то тобой руководят либо изнутри, либо снаружи, это легкость марионетки, возмнившей себя свободной. А трудным может быть выбор только между страданиями.

Бездомный со всезнающей ухмылкой отошел в сторону, предоставляя юноше свободу выбора. Марк чувствовал, что над ним либо потешаются, либо хотят унижить, что, как правило, одно и то же. Он хотел уйти, но не решался, потому что просто уйти нельзя, а чтобы что-то решительное сказать или сделать – не хватало духу. Бездомный отвлекся, прогоняя кошку, и это оказалось как нельзя кстати. Марк повернулся, сделал шаг и... провалился в открытый люк.

Глава 2

Марк не успел ни о чем подумать, пока летел вниз. Последнее, что он увидел, – ухмылка бездомного, как будто именно этого он и ожидал. И как бы то ни было, но юноша сам сделал шаг навстречу своей судьбе, которая с этого момента круто изменилась.

Марк приземлился на стул, который сначала спружинил, опустившись под ним почти до пола, потом снова распрямился и... побежал по длинному блестящему коридору. Юноша прижался к спинке стула и ухватился за нее руками. Свет от ламп, которые зажигались при их приближении, отражался от стен коридора, и воображение Марка превратило эти отсветы в завораживающую игру света и тени, в которой за кажущимся хаосом угадывалась некоторая скрытая закономерность.

Стул вместе с Марком вбежал в просторный полутемный зал и остановился перед двумя незнакомцами в старомодной одежде. Марк автоматически отметил, что они похожи на профессоров. Один – среднего возраста, уверенный и импозантный, второй – гораздо старше, растерянный и сутулый.

– Слава Гере, она нашла тебя, – произнес «уверенный». – Я – магистр Генри. А мой друг – магистр Петр.

Стул под Марком заерзал и подбросил его немного вверх, заставив встать.

– А многоуважаемый стул, который тебя встретил, – Леопольд.

Стул оббежал юношу, встал перед ним и сделал ножками подобие реверанса.

– Я, конечно, не магистр, но на мне восседали великие ученые и маги, и многим они обязаны, без лишней скромности...

Магистр Генри жестом прервал поток слов, исходящий неизвестным образом от стула. Леопольд сразу замолчал, но недовольно передернул своей спинкой.

– Наша задача – предотвратить разрушение этого мира, вернуть осознания в тела, в том числе и в тело твоей матери, – сказал магистр Генри. – Мы тебя оставим с Леопольдом и пастором ненадолго. А чуть позже к вам присоединятся и Белла с Сергеем.

Петр с любопытством оглядывался вокруг и, казалось, не совсем понимал, где находится. Магистр Генри тронул его вежливо за рукав, возвращая к реальности и поворачиваясь, чтобы уйти. Петр закивал и засеменял за товарищем.

Оба магистра исчезли в неосвещенной части зала. Марк по-прежнему оставался на удивление спокойным. Его человеческая, эмоциональная составляющая отошла на второй план, уступая метафизической сущности, которую, видимо, удивить гораздо сложнее. И как ни странно, но говорящий стул удивлял менее всего, потому что с развитием технологий говорящих предметов, выполняющих роль домашних роботов, становилось все больше.

Пастор и стул оказались в некотором замешательстве, оставшись без магистров. Первым прервал затянувшуюся паузу пастор.

– Я покажу наш скромный храм, – произнес священник, как потом оказалось, Церкви Святой Энтропии, и жестом пригласил к экскурсии.

– Ну, я-то здесь и так все знаю, да и мне ли не знать: кто только на мне не сидел, и некоторые из них были адептами Церкви, – вставил слово Леопольд.

Они двинулись вглубь зала. За ними свет гас, а перед ними загорался. Контрастное освещение делало всю работу за воображение. Выхватываемые светом предметы и их резкие тени составляли неожиданные композиции.

– А это наш новый алтарь, – указал пастор на полупрозрачное сооружение, напоминающее кристалл, внутри которого мерцало множество огоньков.

– Старый мне нравился куда больше, – опять обратил на себя внимание Леопольд.

– Этот лучше передает суть учения, – наставническим тоном заметил пастор, сразу прервавшись в мудрого служителя культа. – Рост энтропии – высшее благо и высшая цель развития осознания любого уровня.

– Ну, об этой сути я бы еще поспорил, ведь изначально...

Чувствовалось, что стул мог долго рассуждать на эту тему, но его прервало появление девушки и парня, ровесников Марка. Композиция зала перестала быть гармоничной, возможно, еще и потому, что Марк был смущен и растерян, как и всегда в таких случаях. Он отвел глаза и какое-то время не знал, куда деть руки, пока не свел их за спиной, предварительно потерев ладонью шею.

Пастор представил их друг другу. Парня звали Сергеем, а девушку Беллой. Белла смотрела доброжелательно, а Сергей, смерив взглядом, больше уже не достаивал Марка таким пристальным вниманием. Даже руку пожимал, смотря по сторонам, с видом если не хозяина, то очень своего здесь человека.

– Значит, мы можем уже отправиться в путь, раз его нашли, – сказал Сергей пастору.

– Магистры просили подождать, – ответил тот, – и вы еще не посмотрели наши новые инсталляции!

Священнослужитель несколько суетливо повел их по периметру зала, показывая голограммы. Первая из них являла собой черный объемный шар. Он выглядел абсолютно мертвым и холодным, но стоило посмотреть на него внимательно – начиналось погружение, и по мере погружения усиливалось ощущение хаоса, потом шар опять удалялся, снова становясь холодным и безжизненным.

– Красиво, но тоже не оригинально, одно лето я работал в Федеральном музее, и не такое там видел, – комментировал Леопольд.

– Тепловая смерть, – с видом знатока пояснил Сергей Белле.

– Я слышала, – сказала девушка, лишь вскользь проведя взглядом по голограмме.

– Совершенно верно, – подтвердил пастор к удовольствию Сергея. – Если энтропия системы равна нулю, то она – мертва, то есть может находиться только в одном состоянии. И это может произойти, если энтропия частиц, ее составляющих, либо максимальна, либо тоже равна нулю.

– Две крайности в одинаковой степени приводят к смерти всей системы. Как это поэтично! – воскликнул стул. – Так Дедал не может опускаться слишком низко к морю, чтобы не намочить крылья, и не может подниматься слишком высоко, чтобы не растопить воск, скрепляющий перья.

Сергей, по прежнему не глядя на Марка, держался как равный пастору и пытался привлечь внимание девушки. Он бесцеремонно трогал экспонаты и даже попытался шутливо усесться на Леопольда, что, впрочем, ему не удалось.

– А это наш основатель Кларк Л. Похищенный и замученный врагами Церкви, – сказал пастор трагическим голосом, указывая на абстрактную композицию.

– Но ведь это не смогли доказать, ясно было только одно – Кларк пропал, – уточнил Леопольд.

– Он же не мог просто так пропасть, а враги у Церкви были всегда.

Пастор попросил Марка распутать узел ремня, обвязанного вокруг большой коробки, а сам взялся за другой. Юноша уже понял, как можно распутать, но Сергей его отстранил, развязал узел и подал ремень Марку, как бы говоря «ну, и что ты тут копаешься?».

Марка злило поведение Сергея, поэтому трудно было сконцентрироваться на происходящем. Пастор убрал упаковку и провел рукой по открывшейся панели. Появилась еще одна голограмма. На этот раз – перевернутая пирамида, которая опиралась на вершину, вращаясь и качаясь из стороны в сторону. В движениях не чувствовалось системы, они были нарочито случайными.

– Символ жизни, – опять опередил всех Сергей.

– Жизнь как способ передачи энтропии с низшего уровня на высший, – затараторил Леопольд, – причем заметьте, не только органической. Живой организм передает неопределенность одного атома на макроуровень. Живое общество передает неопределенность одного живого существа на еще более высокий уровень, на уровень всего общества...

– Когда передает, а когда и нет. Вы видели, что творится в городе? – перебил Леопольда Сергей, обращаясь к пастору и Белле.

– Везде пузыри летают, как воздушные шарики, – ответила Белла. – Но ведь эти люди не умирают?

– Конечно, нет, – сказал поспешно пастор, стараясь придать лицу как можно более беспечное выражение.

– Смотри что называть смертью. Все думают, что знают о ней, но нужно быть стулом, чтобы осознать смерть по настоящему, – неожиданно серьезно сказал Леопольд.

– Ну, я то... точно жив и точно не стул, – сказал Сергей и широко заулыбался, ожидая смеха окружающих, но его не последовало.

– А что нам говорили магистры про предательство Церкви? Это никак не связано с розовыми пузырями? – снова спросила Белла, которая больше была поглощена каким-то внутренним диалогом, чем тем, что происходило вокруг.

Сергей и пастор отрицательно покачали головами, почти синхронно, и двинулись дальше вдоль зала.

– А что есть предательство? – опять начал рассуждать Леопольд, семеня своими ножками рядом с Беллой. – Не родная ли она сестра борьбе? И если тебя еще предадут, значит, ты еще борешься и чего-то стоишь.

Пастор с Сергеем шли вперед мимо стены с различными инсталляциями. За ними следовали Белла с Леопольдом, а за всеми плелся Марк.

Марк был в замешательстве. В городе происходило что-то странное. И вероятно, нужно было что-то делать. Но эти люди, втягивающие его в какую-то авантюру, очень напоминают религиозную секту. Он не знал, как относиться к тому, что произошло с его матерью и тем человеком, упавшим на тротуар. Он слышал про Церковь Святой Энтропии, она была полулегальной – ее храмы тщательно прятались. Вернее, даже не сами храмы, а ходы ведущие к ним, которые постоянно менялись. С другой стороны, не считая Сергея, эти люди производили приятное впечатление, Марк был склонен доверять им. И даже робот в виде стула, со своими постоянными разглагольствованиями, казался забавным. Или Леопольд – не робот?

Внезапно, в полутьме зала, слева от себя Марк увидел полупрозрачный розовый женский силуэт. Сердце юноши учащенно забило. Розовый призрак оказался прямо перед ним и всматривался в его лицо. Сомнений быть не могло – это был призрак его матери.

– И облако, и машина, – произнесла она, – и ангел, и мать. Как странно... И вижу, и не вижу... и знаю, и не знаю... и не мертва, и не жива.

Марк не мог пошевелиться. Все странные события этого дня оставляли его относительно безучастным. Но видеть призрак своей, еще живой, как он надеялся, матери было страшно.

– Не меня ты должен бояться, – словно угадав мысли, продолжил призрак, – бойся тени, которая охотится за тобой, и двух предателей, которые рядом с тобой.

После этих слов призрак растворился, оставив Марка в темноте и в замешательстве.

Юноша пошел на свет и на голоса своих новых знакомых. Кем бы они ни были, но они единственные, кто сейчас предлагал какие-то действия, направленные на возвращение его матери в прежний телесный вид.

Глава 3

Если бы Марк отправился вместе с магистрами, то место, в которое они прибыли, напомнило бы ему древний амфитеатр, наполненный величавыми людьми в белоснежных тогах. Впрочем, это были и не люди – скорее боги. И перед ними выступала Гера, в том же хитоне с вышитыми козами, в котором предстала перед Марком.

– Тюрьма осознания не должна существовать, я это утверждала всегда. И хочу, чтобы ее уничтожили.

– Мы знаем мнение Геры, – спокойно произнес бог, который, видимо, председательствовал на этом собрании, – и знаем ее заботу о развитии осознания матушки Сью...

– И не только, – властно прервала его Гера. – Множество прекрасных осознаний, в том числе и снов второго-третьего уровня, не получают должного развития в этой тюрьме.

На лицах присутствующих можно было угадать скуку и раздражение, впрочем, довольно умело скрываемые из-за уважения к выступающей.

– Но, – продолжал Председатель после паузы, – тюрьма – проект Боба, и мы не можем ее обсуждать в его отсутствие. К тому же на момент ее открытия эта идея не лишена была смысла – она предотвратила войну богов, если я не ошибаюсь. А как сложится на этот раз? Без Боба такое решение принимать не хотелось бы.

– Так давайте его вернем, – Гера отыскала глазами Генри и Петра, кивнула им и продолжила, – давно пора, кстати. Изобретательность моего братца хорошо известна, но превратиться в мышь, чтобы погубить собственный мир – это уже чересчур.

– Мы тоже склоняемся к этому мнению, – осторожно поддержал Председатель, – и не очень понимаем Боба, хотя, наверное, у него были веские причины.

– Ему просто скучно. Сначала из-за скуки он этот мир забрал, – Гера опять бросила взгляд на магистра Генри, – а теперь он хочет от него отделаться, потому что ему, видите ли, опять скучно.

Чувствовалось, что здесь только Гера может высказываться о Бобе в таком тоне. Остальные сидели или стояли с каменными лицами, сохраняя почтительное отношение и к говорившей, и к тому, о ком она говорила.

– Согласно великой Небесной Оферте бог должен дожидаться, пока его мир полностью отработает. Сменить его может только Совет, и только если он не может выполнять обязанности бога, – произнес Председатель, как будто прочитав выдержку из инструкции.

– Так он и не может, – ответила Гера.

– Но фактически он может в любой момент вернуться.

– Но тогда это умышленное уничтожение собственного мира, а это запрещено.

– Не совсем. Ведь он ничего не делает, чтобы его разрушить.

– Разве это не одно и то же?

– По сути, может быть, и да. Но каждый бог нашего кластера так устроен, что не может не поддерживать существование своего мира, поэтому в Небесной Оферте ничего не было предусмотрено на случай разрушения своего мира бездействием.

– Значит, пора ее усовершенствовать.

– Это слишком большая ответственность. Последний раз, поддержав предложение магистра Петра и нарушив Оферту, мы навлекли гнев сил, которые даже теперь не понимаем, не так ли?

При последних словах Председатель посмотрел вверх, на огромное сине-зеленое кольцо, парящее высоко над всеми. Остальные сначала тоже посмотрели вверх, а потом на Петра, который высоко поднял свою, обычно склоненную, голову, как бы соглашаясь принять вину той давней и страшной ошибки только на себя. Генри пытался поймать взгляд Геры,

ему нетерпелось поучаствовать в обсуждении, но она теперь как будто специально не смотрела в его сторону.

– Что ж... Вы знаете меня, магистра Генри и магистра Петра... – начала произносить сильным голосом какую-то формулу Гера. – Мы выносим на этот совет предложение вернуть Боба из его добровольного заточения в теле белой мыши, властью и силой богов кластера.

Лица присутствующих приняли озабоченное выражение, как перед принятием сложного решения. Впрочем, тоже скорее из вежливости, потому что каждый знал заранее, о чем пойдет речь и как он проголосует.

Вся процедура принятия решения была отработана до мелочей. Мгновенно от каждого участника совещания стали вырываться блестящие эманации, которые закружились над Советом, постепенно складываясь во вращающийся шар. Однако почти сложившись, он рассыпался на множество хлопьев, которые осыпались и растворились в воздухе. Решение не поддержали, и Совет стал расходиться.

– Не хватило одного голоса, – сказала Гера, оказавшись рядом с Генри и Петром.

– Я хотел выступить, – раздраженно бросил Генри.

– Это ничего бы не решило, все уже приняли решение, поддерживать им Боба или нет, исходя из собственных целей, и рассказ об очередном погибающем мире ничего не поменял бы в их раскладах.

– Ты обещала помочь.

– Конечно, я тебе помогу, – ответила Гера, обращаясь к Генри с какой-то особой теплотой, – но ты тоже не забывай о своем обещании. Я не могу в обход Совета уничтожить тюрьму осознаний, но если кто-то из небогов разрушит ее изнутри, то Совет не будет настаивать на ее восстановлении. Разрушите ее, а я помогу спасти тот мир, иначе он или исчезнет, или весь превратится в тюрьму.

Гера легко устремилась прочь. А магистры повернулись и пошли по направлению к крутому обрыву над тем, что Марку показалось бы океаном.

– Ты голосовал против? – бросил Генри через плечо Петру, уже зная ответ.

– Против чего?

– Перестань.

– Ну, да... как и всегда

Генри ускорил шаг, и второй магистр за ним еле поспевал. Впрочем, Генри быстро совладал со своим недовольством, приостановился и даже заботливо поправил одежду Петра.

У амфитеатра за ними наблюдали Председатель и его помощник.

– Гера не очень стремилась помочь им сегодня, – произнес помощник. – Она не хочет, чтобы их план удался?

– Она не хочет, чтобы он удался слишком быстро, – немного помедлив, ответил Председатель. – Полагаю, она что-то попросила за свою помощь. А ничто так не подстегивает к действиям, как еще не выплаченное вознаграждение. Нам тоже следует воспользоваться этой целеустремленностью Генри, пока он на все готов.

– Думаете, он и к вам обратится за помощью?

– Уверен в этом.

Петр и Генри, не сбавляя шага, сорвались с обрыва вниз.

Глава 4

Марк обрадовался, когда магистры вернулись в зал храма Святой Энтропии. Юноша тяготился обществом сверстников, с которыми всегда чувствовал себя проигравшим в необъявленной войне за место в иерархии. С людьми старшего поколения ему было комфортнее, казалось, что они умнее, добрее и смогут различить его таланты сами. Кроме того, он еще не мог прийти в себя после встречи с призраком матери и жаждал только одного – быстрее приступить хоть к каким-нибудь действиям, которые помогут вернуть осознание матери в ее тело обратно.

Между вернувшимися магистрами ощущалось напряжение. Генри старался не смотреть в сторону Петра. Сергей это почувствовал и внимательно вглядывался то в одного, то в другого магистра, пытаясь угадать причину такого изменения.

– Действуем сами, – сказал Генри.

Марк понял, что речь идет о какой-то помощи, на которую магистры рассчитывали, но так и не получили.

– А до этого мы как действовали? – спросил Леопольд.

Магистры, казалось, чего-то ждали и медлили.

– Выходим отсюда? – спросила Белла, которой здесь уже порядком наскучило.

– Да, – почти хором произнесли магистры, – как будто ждали именно этих слов от девушки.

В иное время Генри и Петр в этой ситуации переглянулись бы и улыбнулись такой одинаковой реакцией, но сейчас посмотрел на друга только Петр. Пастор сунул каждому в руки листовку и попросил обязательно прочитать. При этом магистры как-то странно на него посмотрели, как если бы знали об этих листовках нечто большее.

– Тогда пошли. Чего ждать, – решительно произнес Сергей.

Они все двинулись по коридору, который появлялся перед ними и схлопывался сзади. Храмы Святой Энтропии были вне закона, и хотя государство знало об их примерном расположении, но проходы к ним постоянно менялись. С одной стороны, это создавало сложность для правоохранительных служб, а с другой – служило им оправданием своей бездеятельности. Несмотря на полуправильное положение, особого вреда от этих церквей не было. Воображение Марка расставило фигуры идущих так, чтобы они составляли более гармоничную композицию, а фигура Беллы выглядела более выигрышно.

Все вышли на улицу через проход в стене, который сразу за ними закрылся. Белла почему-то пошла направо, и магистры позволили ей сделать этот выбор.

Им повстречался парень, у которого розовый пузырь только начал выходить из макушки, и сейчас больше походил на нимб. Парень рассеянно озирался, словно у него только сейчас открылись глаза на мир.

– Первая стадия, – прокомментировал Леопольд, когда они немного отошли. – Говорил я вам или нет, но я все знаю про шизофрению.

– Стул – шизофреник, что-то новое! – попытался сострить Сергей.

– Все нет, – обиженно фыркнул Леопольд, – но я провел множество собеседований, когда работал в психиатрической клинике.

– Ты зря над Леопольдом посмеиваешься, – бросил Генри, – тебе до него еще очень далеко.

– Мне до всех далеко, – злобно огрызнулся Сергей, которого так бесцеремонно свергли с пьедестала, на который он сам себя и воздвиг. Он, конечно, не претендовал на место магистра Генри в их небольшой компании, но ему нравилось считать себя его неофициальным заместителем.

– В первой стадии, – продолжил Леопольд, словно не слыша этой перепалки, – сознание лишь чуть-чуть покидает тело, но человек уже на все смотрит под другим углом. Все перестает быть важным и материальным. Мир становится немного чужим. Одни люди при этом становятся бездеятельными и апатичными, скептически относясь к внешнему миру, другие – начинают заниматься самобичеванием, скептически относясь к самим себе.

– Это я! – рассмеялась Белла.

– Это да, – улыбнулся ей Петр, причем не только очень доброжелательно, но еще и многозначительно.

– Третьи, – продолжил Леопольд, – пытаются компенсировать пресность мира, которую они почувствовали, притворной веселостью.

Встретившийся им полицейский скользнул глазами по листовкам у них в руках и, коснувшись гаджета, закрепленного у правого виска, включил полупрозрачный экран перед собой. Марк сделал такое же движение, решив найти мать, однако она была недоступна. Мать часто отключалась, вернее, забывала включиться, но в теперешних обстоятельствах ее отсутствие терзало юношу.

У другого, встреченного ими, молодого мужчины пузырь уже наполовину покинул тело. Мужчина испугано смотрел по сторонам и жался к стене.

– Во второй стадии энтропия оставшегося в теле сознания становится меньше энтропии внешнего мира. Поэтому внешний мир воспринимается сначала хаотичным и пугающим, а затем человек выстраивает его упрощенную параноидальную модель. Это его личный ад. Одновременно уже воспарившая часть осознания поставляет необходимое количество галлюцинаций, чтобы дополнить общую картину, – продолжал рассказывать Леопольд.

– И сколько всего этапов? – уточнила Белла.

– Три. На третьем сознание покидает тело полностью, и, если фантом при этом остается, тело превращается в биологический компьютер: замирает в неестественных позах или выполняет повторяющиеся рутинные действия. Впрочем, если вся жизнь человека была строго регламентирована и упорядочена, то его тело довольно долго может функционировать в таком состоянии.

– Фантом? – переспросил Марк.

– В обычных условиях фантом служит оболочкой и переносчиком осознания, – начал было объяснять Леопольд, но ему не дали этого сделать.

Сразу за перекрестком их обступили 10 полицейских, которые объявили им о задержании. После чего всех повели к Дворцу правосудия. Магистры на удивление спокойно отнеслись к этому аресту, остальные же, беря с них пример, тоже не очень переживали. А у Леопольда появилась возможность блеснуть знанием сводов законов, что, впрочем, им не помогло.

По пути каждый из их группы подвергся перекрестному допросу.

– Вы знаете этих людей? – спросил Марка полицейский слева.

– Нет, почти нет, – пересохшим ртом отвечал юноша.

– Они вас заставили пойти с собой? – спросил полицейский справа.

– Да, – вырвалось у Марка, и он тут же пожалел о своем малодушии.

Однако больше его никто ни о чем не спрашивал, в отличие от других, с которыми активно беседовали остальные полицейские. Весь оставшийся путь юноша корил себя за свою трусость и мысленно представлял, как он остроумно водит за нос полицейских. Но сказанных слов не вернуть. Знакомая улица теперь представлялась Марку угловатой и мрачной.

Их привели в камеру предварительного заключения, которая больше походила на плацкартный вагон прошлого века. И там уже находился взъерошенный рыжий человек с немного растерянным видом.

Сергей снова продолжил играть роль если не главного, то самого активного члена команды.

– А тебя за что? – с ухмылкой опытного рецидивиста спросил он у рыжего.

– За то, что отвечаю на такие вот вопросы, – улыбнулся человек, – хотя что теперь то...

И он рассказал новым знакомым свою историю. Его зовут Анри, и он художник. Несколько лет назад он решил, что готов к главному свершению в жизни художника – созданию собственного художественного фильтра для превращения изображений и видео в произведения искусства. Два года Анри работал над тысячей примитивами, которые легли бы в основу фильтра. Он изнурял себя ежедневным выбором между несколькими вариантами с еле заметным отличием. То до изнеможения перемещал квадрат в поисках его особого положения, то искал наилучшую линию, то цвет. Он вглядывался в свои примитивы, пока не переставал ощущать различия. Потом он их откладывал, а когда возвращался, то все начиналось сначала. Через три года такой работы Анри решил, что уже создал свой фильтр, и задумал отметить это событие небольшим походом по живописным окрестностям.

Художник собрался переночевать над входом в большую пещеру. Он уже поужинал и приготовился созерцать звезды, как вдруг увидел, что в пещеру начали заходить люди. Включился свет, послышалась музыка. Началась какая-то вечеринка. А люди продолжали подъезжать. При свете установленных фонарей он узнал почти всех политиков их города, и в конце концов уже под утро, под уходящей Венерой, Анри решил посмотреть, чем они там занимаются. Незаметно пробравшись, художник увидел внутри ярко освещенной пещеры не более 12 человек, что его очень удивило, потому что заходило намного больше.

Внезапно присутствующие стали раздваиваться и растриваться. Появляющиеся люди не были похожи друг на друга. А появившись, они направлялись к выходу. Анри был так ошарашен, что не заметил, как кто-то подошел к нему сзади и сделал укол. Потом он ничего не помнит – оказался уже тут.

Удивленные молодые люди, выслушав рассказ художника, посмотрели на магистров, ожидая объяснения.

– Политики этого города – потомки баканэко, они могут раздваиваться почти до бесконечности, поэтому никто не знает, сколько их, – пояснил Петр и добавил мечтательно: – Была у меня в молодости одна баканэко.

– А сознания клонов самостоятельны? – спросил Сергей.

– Мы остаемся одним сознанием, – ответил внезапно появившийся Мэр города.

И, видимо, в качестве иллюстрации он закатил глаза, поднатужился и... разделился. Теперь рядом с мэром стоял и проигравший выборы политик, которого Марк видел сегодня на улице.

– С ума сойти, – сказала Белла.

– Нас задержали по формальному поводу за связь с Церковью Святой Энтропии, и подставил нас местной пастор. Но ведь вам что-то от нас нужно, не так ли? – спросил Генри, который явно торопился и хотел опустить часть предварительных разбирательств.

– Да, и кроме того, мы знаем, кто вы и каковы ваши возможности, – уважительным тоном ответил Мэр. – Мы и не думали, что эти стены вас удержат. Но у нас, в гораздо более укромном месте, есть еще два полубога из вашей команды.

– Сатрапы! И вы думаете, что нас остановите?! – запальчиво воскликнул Леопольд.

– Мы знаем, что таким могущественным магистрам не сложно освободить любого заключенного этого мира, – сказал Мэр, обводя глазами всю группу, что польстило Сергею.

– Но это потребует много энергии, – продолжил проигравший политик. – Человек может раскрутить маховик, но не сможет его мгновенно остановить. Так и боги, как мы знаем, могут создать мир, но мгновенно изменить его даже им не под силу.

– Мы же поможем вам воссоединиться с друзьями в ответ на небольшую услугу с вашей стороны, – закончил Мэр.

– Низкий шантаж, – опять воскликнул Леопольд. – Низкий даже для шантажа!

– Это как-то связано с Анри? – уточнил Генри.

– Да, мы не можем ему позволить рассказать нашу тайну и выпустить отсюда. Но он согласен стать Агнецом.

Все посмотрели на художника, который пожал плечами, как бы говоря: а что мне остается?

– Что это значит? – спросила Белла.

– Жертвой, – со знающим видом произнес Сергей.

– Жертвой? – не то испуганно, не то удивленно повторила девушка.

– Мы обещали ему организовать переход на более высокий уровень мироздания, – сказал Мэр. – Многие о таком только мечтают.

– Но гарантировать этот переход можете только вы, – добавил второй политик.

– У нее были длинные ноги и раздвоенный хвост, – продолжал вспоминать магистр Петр не то о любовнице, не то о домашнем питомце.

Генри на секунду задумался, оценивая ситуацию и принимая решение, потом тряхнул за рукав Петра. Тот, словно очнувшись, рассеянно осмотрелся по сторонам, пристально глянул в глаза Генри, проникая в его мысли, и сосредоточился на художнике. Вся фигура магистра Петра стала излучать неведомую силу, которая расходилась от него и преображала все вокруг. Помещение стало почти круглым. Оба магистра встали и протянули ладони в сторону Анри. Художник провалился в глубокий транс, он стал видеть себя в окружении хаоса, от которого ему было больно почти физически, однако постепенно мир вокруг стал упорядочиваться, все более и более завораживая своей гармонией. И художник успокоился, наблюдая самый прекрасный сон в своей жизни.

Помещение стало прежним, а Петр опять рассеянным. Магистры сели.

– Ему нужно немного поспать, и он будет готов, – произнес Генри.

– Вы должны побыть с ним это время, – сказал Мэр.

– Побудем, – ответил Генри и почему-то посмотрел на Беллу и Марка, что не укрылось от ревнивого внимания Сергея.

– А зачем вам этот Агнец? – спросил Сергей, вновь желая проявить активность.

– Мы с их помощью управляем потоками эмоций, – начали объяснять политики.

– Понятное дело, – пробурчал Леопольд. – Сатрапы и есть.

– Не понимаю, – честно призналась Белла.

– Наше общество основано на культуре слабости. А слабый хочет, чтобы все атрибуты сильного достались ему без каких-либо усилий.

– На то он и слабый.

– Он хочет чувствовать, что главенствует, поэтому хочет, чтобы во главе правительства стояли люди, которых он выбирает сам. И мы ему даем такую иллюзию – выбора одного из нас.

– Слабый, не имея воли, не терпит ее проявления в других, хочет, чтобы во главе правительства стояли безвольные, законопослушные винтики-чиновники.

– Мы даем и такую иллюзию, скрывая процесс принятия решений.

– Слабый хочет быть великодушным (потому что это привилегия сильного), но при этом ничего не делать и ничем не рисковать. И мы даем ему возможность считать, что это с его разрешения общество защищает слабых и обиженных.

– Слабый хочет, чтобы все это ему давалось без борьбы, по факту его существования, он хочет прав и главенство закона.

– И даже если слабый собрался с кем-то бороться, он требует, чтобы тот, с кем он борется, сам себя ослабил и победил.

– Но общество слабых беззащитно перед врагами, – заметил Сергей.

– А мы сами не воюем, мы ищем союзников и направляем их на своих врагов, – пояснил Мэр.

– Только вот потом союзники решают, что проще захватить вас! – хмыкнул Леопольд.
– Бывает, да, но тогда их побеждают наши бывшие враги. В итоге мы клеймим позором и тех и других.

– А зачем вам Анри? – спросила Белла.

– Еще не знаем. Но в нашем обществе гнев – негативная эмоция. Узаконен только гнев против убийц Агнеца, поэтому в них всегда есть потребность, и лучше, чтобы был запас.

– Ну, вообще... – с гримасой отвращения произнесла Белла.

– Но мы же не чудовища какие-нибудь, – поспешно пояснил проигравший политик. – Каждый Агнец обеспечивается счастливой жизнью после смерти. Многие бы им позавидовали.

От художника стала отделяться розовая субстанция, но не такая, как у всех, – более насыщенная. Петр, не глядя, протянул руку в сторону Анри, и субстанция вернулась в тело.

– Его осознание готово, – сказал Генри.

– Вот и хорошо, а мы сейчас же отпустим ваших товарищей.

Политики направились к двери. Все молчали, и Марк решился задать вопрос, который его терзал.

– А что... Анри... погибнет?

– Будет убит. Не сомневайтесь, – сказал Мэр, который уже успел опять объединиться с другим политиком. И после этих слов дверь за ним закрылась. Марк был смущен и растерян, он не знал, как относиться к происходящему.

– Я не хочу здесь оставаться, – с решимостью капризной девочки и боевого командира одновременно сказала Белла.

Оба магистра немедленно встали, на секунду замерли и начали кружиться, постепенно ускоряясь.

– Встретимся в призрачной зоне, – бросил через плечо Генри.

– Под маяком, – добавил Петр.

Все вокруг закружилось, как ворох сухих осенних листьев.

Глава 5

Марк очутился в сухом причудливом лесу, который оказался еще более податливым его воображению, чем тот мир, который они только что покинули. Призрачный лес сохранялся более или менее постоянным, если смотреть вскользь, но стоило сконцентрировать на чем-то внимание, и объекты начинали терять очертания, причудливо изгибаясь и растягиваясь.

Марк огляделся и пошел по направлению к несоразмерно высокому сооружению. Оно единственное здесь могло быть маяком. Между обрывками густого стелющегося тумана мелькали розовые силуэты, в одном из которых он узнал призрак своей матери. Он двигался параллельно юноше, но остановился. И в этот момент Марк почувствовал холод между лопатками. Три огромных полупрозрачных Пса окружили призрак матери, клацая зубами. Она металась, но не могла вырваться из окружения – Псы были быстрее. Марк стоял как вкопанный, не убежал, но и не спешил на помощь, которая пришла неожиданно. Два человека, которых Марк уже видел на площади в городе, в майках с надписями «Гога» и «Магога», кидая камни, прогнали Псов. Призрак матери продолжил свой путь, тогда как двое мужчин, оглядевшись вокруг, заметили Марка и подошли к нему. В них не было агрессии, наоборот, они излучали доброжелательность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.